

И В А Н М И З Е Р О В

МЫ БОЛЬШЕ НЕ ВАШИ ОБЕЗЬЯНЫ!

КАК МИЛЛИОНЫ ЛЮДЕЙ
ПОГИБЛИ В АФРИКЕ,
А МИР ЭТОГО НЕ ЗАМЕТИЛ.
С 1945 ГОДА ДО НАШИХ ДНЕЙ.

Москва

УДК 94(6)»1945...»

ББК 63.3(6)6

М58

Мизеров, Иван Игоревич.

М58

Мы больше не ваши обезьяны! Как миллионы людей погибли в Африке, а мир этого не заметил : с 1945 года до наших дней / Иван Мизеров. — Москва : Эксмо, 2026. — 672 с. — (Битвы империй).

ISBN 978-5-04-223312-8

«Мы больше не ваши обезьяны!»

Эту фразу бросил в лицо королю Бельгии первый лидер независимого Конго Патрис Лумуба. Не прошло и года, как он был убит. Расстрелян темнокожими солдатами-африканцами, которыми командовал белый бельгийский наемник.

Благоприятный климат, сырьевые богатства, возможность развиваться без оглядки на заоканских хозяев — в середине XX века пламенные борцы национально-освободительных движений верили, что Черный континент ждет блестящее будущее. На деле Африка погрузилась в пучину непрерывных войн, погубивших множество жизней. Мечта о свободном будущем обернулась трагедией и гибелью более чем 20 миллионов африканцев.

Эта книга — анализ истории Черного континента с 1945 года до наших дней. Беспощадное расследование катастрофы, которую мир предпочел не заметить. Автор вскрывает циничную механику неокOLONиализма, где за высокими лозунгами скрываются интересы мировых держав и транснациональных корпораций. Это горькая правда о том, что настоящую цену за африканские алмазы, нефть и уран заплатили своей кровью простые люди.

УДК 94(6)»1945...»

ББК 63.3(6)6

© Мизеров И.И., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-223312-8

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Деколонизация. Кто и зачем?	6
Глава II. Египет. От британской колонии к «Свободным офицерам»	9
Глава III. Египет. Все на одного	44
Глава IV. Алжир. От сопротивления французам до французского Сопротивления	76
Глава V. Алжир. Кровь на песке	94
Глава VI. Алжир — война, перевернувшая Францию	143
Глава VII. Алжир. Пламя отчаяния	192
Глава VIII. Алжир. Агония	232
Глава IX. Огаден. Между эпохами и хозяевами	334
Глава X. Огаден. Красный меч на чаше весов	319
Глава XI. Конго. Сердце тьмы	380
Глава XII. Конго. Крах тирании в леопардовой шапочке	468
Глава XIII. Конго. Котел закипает	495
Глава XIV. Конго. Величайшая война независимой Африки ...	521
Глава XV. ЦАР. Диктатура дикости, хаос и «оркестр»	557
Заключение	624
Послесловие	664

ПРЕДИСЛОВИЕ

Какое явление в истории XX века было самым масштабным по своему охвату и оказало наибольшее влияние на судьбу человечества? Отвечая на этот вопрос, большинство, вероятно, вспомнит про две мировые войны. Иные назовут отечественную Октябрьскую революцию и деятельность международного левого движения. А третьим процессом, определившим лицо современной глобальной цивилизации, была деколонизация. Львиная доля государств, являющихся ныне членами ООН, возникла именно в результате нее. В 1914 году на свете насчитывалось всего 59 независимых стран. Сейчас — почти 200.

К сожалению, процесс деколонизации далеко не всегда был мирным. Причин тому имелось много. В приведенном выше перечне самых крупных политических процессов минувшего столетия автор как будто забыл еще об одном — холодной войне. Противостояние сверхдержав и ведомых ими блоков было связано с деколонизацией самым тесным образом, по существу, неотделимо от нее. Именно страны, только-только получившие свою независимость или еще стремящиеся к этому, зачастую выступали ареной борьбы СССР и США. Одного этого было бы достаточно для того, чтобы процесс обретения свободы ранее находившимися в подчиненном положении народами оказался сопряжен с массой конфликтов. Но часто для вспышки насилия находились и другие поводы. Как глубоко индивидуальные в каждом конкретном случае, так и общие, связанные с особенностями формирования новой молодой государственности в индустриальную эру.

Настоящая работа представляет собой попытку разобраться в том, как и почему колониализм сперва вошел в стадию кризиса, а затем сменился неоколониализмом. А наиболее ярким и полным «наглядным пособием» здесь выступит история войн и конфликтов Африки последних восьми десятилетий.

Почему карта Черного континента, на момент окончания Второй мировой практически полностью поделенного между разными хозяевами, уже к середине 1960-х стала пестреть суверенными государствами? Насколько велика была степень их подлинной независимости? Какие факторы привели к тому, что, невзирая на многочисленные природные богатства, Африка приобрела репутацию неблагополучного материка? Почему не оправдались надежды как пламенных борцов национально-освободительных движений, так и тех, против кого они выступали? Наконец, каковы расклады в современной африканской политике? На все эти вопросы автор данной книги попытался дать ясный и полный ответ.

Отношение к нашей стране на Черном континенте всегда оставалось особым. Мы были «другими белыми» — не участвовавшими в ограблении африканских народов. Видевшими в них людей, пусть отсталых в силу обстоятельств, но принципиально равных себе. Советский Союз выступал помощником в деле освобождения, верным другом и наставником для множества стран Африки. Целый ряд выдающихся африканских политических деятелей тесно сотрудничал с СССР. Немало представителей новой постколониальной элиты обучалось у нас на родине.

Уже в наши дни за период проведения СВО среди широких масс африканцев распространилась идея о существовании альтернативы той пирамиде мирового разделения труда, которую выстроили империалистические державы в 1990-е и 2000-е. Другого полюса силы,

способного сдерживать гегемонистские устремления самозванного «жандарма планеты» с его «порядком, основанным на правилах» — разумеется, установленных им единолично. И глубоко неслучайно, что в далеких городах и местечках Африки люди, зачастую лишь недавно узнавшие, какой вообще у этой России флаг, выходят на улицы и площади с отечественным триколором. Они верят: солдаты, сражающиеся под этим знаменем, рвут сложившийся несправедливый миропорядок, что в конечном счете непременно скажется и на их судьбе.

Мы с вами живем в переломную эпоху. Стремительно коллапсирует система международных отношений, которая возникла в 1991 году, когда США и их союзники, лишившись равновеликого соперника, вообразили, будто могут взять на себя роль глобального лидера, регулирующего политические процессы в масштабах всего Земного шара. Человеческая цивилизация вновь становится многополярной — это неизбежный и, в целом, благотворный процесс. Тем не менее подобная трансформация по определению обречена сопровождаться большим количеством конфликтов, в том числе вооруженных. Какими они окажутся? Прогнозировать сложно. Однако они совершенно точно не минуют Африку — «кипящий континент». В свою очередь африканский опыт в новых условиях может оказаться неожиданно востребованным в других регионах планеты.

КОЛОНИАЛИЗМ – КОНКИСТАДОРЫ, ПЛАНТАТОРЫ, ЭКСПЛУАТАТОРЫ

Что такое колониализм? Стоит только прозвучать этому слову, как в сознании сразу же возникает масса образов. От пробковых шлемов британских офицеров в Индии конца XIX века до морионов конкистадоров, только начавших завоевывать Новый Свет. От Тринадцати колоний, ставших позднее Соединенными Штатами, до островов Тихого океана.

Но что с формальным определением? Большая Советская Энциклопедия дает следующее:

Колониализм – это политическое, экономическое и духовное порабощение стран господствующими классами эксплуататорских государств.

Все вроде бы верно – но ничего не объясняет. Во-первых, под подобную схему подпадают и ситуации, к колониализму традиционно не относимые. Скажем, ранняя эра диadoхов на территории распавшейся империи Александра Великого – а ведь и политическое, и экономическое, и культурное порабощение греко-македонским элементом других народов там налицо. Воз-

можно, суть здесь в слове «классы», которых, конечно, в Античности еще не было и быть не могло. Но что тогда такое колонии испанцев и португальцев в Америке, скажем, первого века после ее открытия Колумбом — года эдак до 1600? Неужели в лице пиренейских монархий мы имеем уже в XVI веке сложившиеся капиталистические страны? Едва ли. Не очень понятно в рамках подобного описания и что такое деколонизация, а также по каким причинам этот процесс начался. Как прежде господствующие классы эксплуатировали другие страны, так и далее могли делать то же самое (мало того, делали у себя дома в отношении собственного пролетариата).

Встречались автору, разумеется, и другие определения, не только из БСЭ, но почти все они или довольно пусты, или легко могут быть подвернуты критике. В одних акцент делается на насильственный характер включения колонии в состав государства, но так можно сказать о массе всевозможных завоеваний вообще. Где-то все строится на культурной, религиозной и этнической разности между жителями колонии и колонизаторами. Но у нас есть, допустим, империя монголов, где отличий между ними и, к примеру, населением включенной в состав Монгол улуса территорией Двуречья едва ли меньше, чем между жителями туманного Альбиона и Британской Индии. Однако же никто не говорит о монгольских колониях и тем паче колониализме. В иных определениях в центре внимания — экономическая составляющая, зависимость колоний от метрополии. Но нам известна масса древних и современных примеров, когда из-за неравномерности развития та или иная часть единого государства оказывается, как сейчас сказали бы, дотационной и жестко зависящей от центральной власти либо даже от другого региона. Возможны и ситуации, когда колонии вообще не приносят дохода, являются убыточными,

как это было, скажем, в случае с большинством немецких владений на 1914 год. Одним словом, все как-то не вполне корректно, не до конца точно, а что всего хуже, не дает понимания сути явления. И тем более причин его кризиса.

Вообще, конечно, запутаться немудрено — колониализм за долгую свою историю и в исполнении разных стран и наций имел очень несходные формы и проявления. Иногда предельно жестокую, до зверства, эксплуатацию вроде Бельгийского Конго, а иногда весьма мягкие, как на Британской Мальте. Некоторые колонии завоевывались огнем и мечом в жесточайших схватках, как французский Алжир, а другие медленно и плавно превращались в таковые, опутываемые системой договоров, как многие княжества Британской Индии.

Но что же объединяет все эти столь различные примеры?

Колониализм есть всегда палка о двух концах, где на одном колония, а на другом — метрополия. А где кончается одно и начинается другое? Что вообще решающим образом их отличает? Колонии находятся где-то за морями, а метрополия — это территория первоначального расселения нации-колонизатора? Хорошо, допустим. Но если предположить, что этой дистанции в морских милях нет, а метрополия и колония территориально соприкасаются. Как тогда понять, где между ними граница, ведь государство-то одно? Очень просто — по различному юридическому статусу жителей.

Попробую, отталкиваясь от вышеизложенного, дать свое определение:

Колониализм — это юридически закрепленное и целенаправленно сохраняемое неравноправие различных составных частей одного и того же государства, дающее привилегированной метрополии заведомое преимуще-

ство над колониями и позволяющее ей таким образом организовать выгодные для себя центр-периферийные экономические отношения.

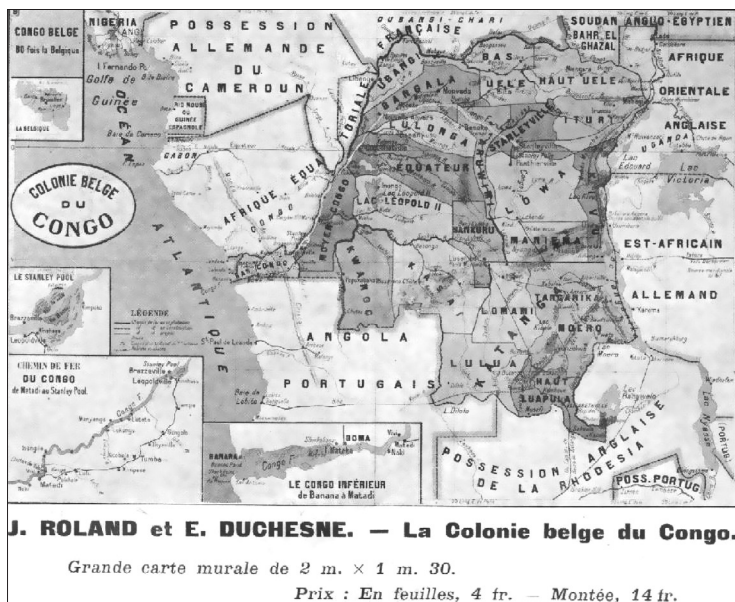
Ну а теперь настала пора пояснений.

Вернемся к примеру с монголами. Почему никто и никогда не пытался именовать их колониалистами? Ведь теоретически есть и насильственное инкорпорирование в свою империю очень отдаленных во всех отношениях от ее территориального и этнического ядра земель и народов, и жестокое подавление любых попыток избавиться от господства, и экономический гнет в виде дани, а также вообще достаточно болезненной для оседлых народов перестройки их хозяйственной жизни в интересах кочевников. Так в чем же дело? Очень просто — юридическая разница между подданными великого хана отсутствовала. Для всех один закон — Яса Чингисхана. Происхождение (кроме отношения к дому самого основателя империи — к чингизидам, ну и еще нескольким наиболее крупным и важным родам) первоначально не играло почти никакой роли: главное то, как хорошо, храбро и верно ты служишь — классический принцип универсальной монархии. Покоренным дозволялось сохранять свою собственную веру и обычаи — и не потому, что они такие тупые и не доросли до «нашей истинной веры и достойных традиций», а потому, что отсутствовала концепция культурного превосходства. Монголы не видели смысла и едва ли вообще понимали, как возможно выстраивать некую иерархию культур. Соответственно отсутствовали жесткие предубеждения против культурного обмена и межэтнических браков. Как следствие, на большей части территории империи в конечном счете завоеватели оказались ассимилированы завоеванными. Яркий пример здесь — Китай, где все произошло особенно быстро и полно.

Но хорошо, монголов было много меньше, нежели тех, кто попал под их руку. Возьмем завоевание Пиренейского полуострова Арабским халифатом. Государство, управляемое тогда из Дамаска, гораздо больше и населеннее, нежели королевство вестготов. Казалось бы, достаточно успешно покончить с вооруженным сопротивлением, а после можно эксплуатировать эту землю и обитающих на ней «неверных» как угодно. Однако и здесь мы не видим того главного, что лежит в основе колониальной политики, — юридическое разделение существует, но его границы завязаны исключительно на религии и легко преодолимы. Пока христианин — плати дополнительный налог. Перешел в ислам — сделался своим. Медленный и плавный процесс арабизации/берберизации был естественным и также не содержал в себе ноток шовинизма.

Вообще конечная цель завоевателя доколониальной эпохи — это максимально тесное включение приобретенной территории в систему власти империи, ее по возможности более полная унификация. Будь то сатрапии в Персии или провинции в Китае. В отношении ассимиляции политика могла различаться. Универсалистские державы особенно не стремились к этому, протонациональные государства предпринимали известные усилия к тому, чтобы новые подданные постепенно стали бы вести себя, говорить и придерживаться тех же верований, что и старые. Несколько особняком здесь, безусловно, стоит Рим, но о нем, с вашего позволения, как-нибудь в другой раз.

В случае же колониализма задача «превратить в себя» не только не стоит, но доктринально отвергается. Напротив, жители Бельгийского Конго ни в коем случае не должны сделаться черными фламандцами или валлонами, а аборигены Австралии никогда не будут иметь один социальный статус с белыми поселенцами — даже бывшими каторжниками.

Бельгийское Конго на 1914 год

В то же время о сознательном предоставлении покоренным свободы быть собой либо хотя бы равнодушию к их жизни тоже говорить не приходится. Есть миссионеры, которые дадут им понять, что их боги ложные. Есть учителя, которые дадут им образование, достаточное для того, чтобы взаимодействовать с техникой белых без фатальных для себя и окружающих последствий, но не более того. Где можно обойтись примитивным ручным трудом — он и останется. Колонизаторы должны и будут очень четко сознавать «неполноценность» своих подопечных — иначе система не сможет работать. Утилитаризм и идея своего религиозного/культурного/расового превосходства заставят смотреть сквозь пальцы на то, что у громадного числа людей отсутствуют всякие политические права, а это, в свою очередь, повлечет такую навязываемую неким, назовем его

обобщенно «вице-королем», хозяйственную политику, которая задаст принципиально неравные условия конкуренции метрополии и колонии. Индийский ткач проиграет манчестерскому фабриканту не только потому, что будет сильно отставать от него с точки зрения технологии, но и потому, что самые условия их состязания будут выстроены так, чтобы одержать верх он не сумел. В свою очередь, чем больше таких вот побед, тем выше степень концентрации капитала в метрополии — и тем легче ему в дальнейшем уже даже и чисто экономическими методами одерживать новые. К началу XX века в Индии появились кадры, которые сумели бы сами, пусть и не сразу, с ошибками и сложностями, но организовать национальную систему производства. Да только кто бы им дал на это денег, а также убрал куда-нибудь занявшие положение монополистов британские концерны и тресты!

Мне могут возразить: о каких политических правах идет речь применительно к колониям абсолютных монархий, скажем Франции до Революции или той же Испании? Там и в метрополии-то их нет! Дело в том, что хотя, разумеется, гласной политики, партий и их борьбы, парламентаризма и прочего в указанных выше государствах действительно не было, но зато там существовали мощные и влиятельные придворные группировки знати, нередко достаточно могущественные, чтобы заставлять монарха отказаться от тех или иных его замыслов. В колониях, за исключением крайне редких случаев, дворянства не было. Титулатура местных правителей, даже если она формально и признавалась, реально не приравнивала их к европейским нобилям и в этот круг не вводила. Отсутствовали права и привилегии у городов. Самоуправление возникало только в белых переселенческих колониях, причем с немалым скрипом. Таким образом, и здесь мы видим ту же сущность, но несколько иную оболочку, скрывающую ее.

Именно в реальном определении колониализма кроется неустойчивость переселенческих колоний. Объяснить белым, почему черные, желтые или красные должны априори иметь меньшие права, чем они, было не слишком сложно. А вот втолковать человеку, у которого дед жил в метрополии и имел там политическое представительство, а его внук, переехавший в колонию, его не имеет, почему это так, оказывалось весьма непросто. Недовольство могло некоторое время оставаться неявным, подспудным. Пока неравноправие не затрагивало насущных интересов переселенца, с ним можно было мириться. Но стоило ему превратиться в фактор, который заставлял, скажем, бостонского торговца проигрывать в конкурентной борьбе плимутскому, а это неизбежно происходило по самому принципу построения колоний, как первому резко начинало хотеться устроить «чаепитие», оканчивающееся битьем посуды и отделением. Если, конечно, хватало силенок.

Отсюда же разница между колонией и доминионом. 1 июля 1867 года у созданной незадолго до того Конфедерации Канада появляется собственный парламент, состоящий из Палаты общин и Сената, а также свое правительство. Да, по-прежнему глава государства — ее величество королева Виктория, но правит она теперь Канадой почти теми же методами и в тех же правах, как Англией или Шотландией. Превосходство метрополии зиждется с этого времени исключительно на экономическом превалировании ее корпораций и капитала, которые, однако, конкурируют с местным ровно по тем же правилам, что и с новыми игроками на рынке на Альбионе. С годами это преимущество, как и большая разница в уровне жизни между Канадой и Англией (как между колонией и метрополией), стала сходить на нет. Возможен ли был иной, альтернативный вариант? Да. Но тогда Канада имела все шансы однажды пойти той же дорогой, что и Тринадцать колоний, ставших Соединенными Штатами.

Имеет смысл, исходя из того, что, помимо общего генерального принципа, лежало в его основе как явления в тот или иной период, разделить историю колониализма на четыре этапа. Первый период — с начала Великих географических открытий, прежде всего путешествий Колумба, и примерно до середины XVII столетия. Он может условно быть назван эпохой драгметаллов, или, еще проще, эрой разграбления. Как многие знают, выходец из Генуи Кристофоро Колумбо отправился в путь не столько за золотом, сколько за пряностями. Однако стоило только начать конкисте, именно оно почти сразу стало ведущим мотивом для все новых и новых искателей удачи, устремившихся в Новый Свет. Почему? Все просто. Золото представляло собой, как тогда казалось, безусловную ценность, а главное — не требовало никаких вложений, кроме вложенной в руку пики либо мушкета. Ты мог быть последним голодранцем до отпльтия и вернуться королем. Естественно, подобное удавалось не каждому, но все горячо об этом мечтали. Незнученность новых территорий в сочетании с реальной или кажущейся непрочностью положения завоевателей вели к тому, что чисто психологически лучшей стратегией казалось взять то, что плохо лежит, и как можно скорее дать ходу. Кроме того, в колониях пока еще практически негде тратить, только копить. Ранний колониализм есть своеобразный отхожий промысел, по итогам которого полученный хабар перевозится в Старый Свет и там проедается. При чем если сперва так действовали индивиды и их группы, то скоро настал черед государств.

Схематически принцип их достаточно простой и незатейливой политики можно изложить так: обнаружить имеющийся в колонии ценный ресурс, а затем приступить к его добыче и вывозу в возможно бóльших масштабах. Это могло быть серебро, которое испанцы выкапывали на рудниках Потоси и других близлежащих городов и местечек в Андах, а затем переправляли в Ев-